

УДК 81'1

Скокова Т.Н.

Белгородский государственный университет

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

T. Skokova

Belgorod State University

THE LINGUISTIC COGNITIVE ESSENCE OF THE SYNTAGMATIC RELATIONS

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с синтагматической релятивностью. Основными факторами, определяющими распространение слов по событийному тексту в процессе объективации смысловых узлов концептов являются различные отношения. Синтагматическая релятивность в коммуникативном целом – это фактор возникновения множественности рядоположения, базирующейся на отношении сходства, и множественности проникновения, в основе которой находятся такие отношения, как причинно-следственные, смежности, инклюзивные, градуальные, устанавливающиеся при лексических повторах, перечислении и пр., то есть при особом распределении слов по тексту. В процессе развёртывания языкового пространства благодаря возникновению в нашем сознании другого бесконечного множества – так называемых фактов сознания – структурируются концепты.

Ключевые слова: синтагматическая релятивность, отношения, слои смыслового содержания концепта, смысловые узлы концепта.

Abstract. The present article is devoted to the problems of syntagmatic relations. Different relations are the main factors determining the distribution of the words in the eventive text in the process of the considered concept sense nodes objectivization. Syntagmatic relations in the communicative entity is a factor of the emergence of a multiplicity of penetration based on casual, contiguous, inclusive, gradual relations established in lexical repetition, enumeration etc., that is, in the context of a particular distribution of the words in the text. The concepts are structured in the process of language space expansion due to the emergency in our conscience of other endless multitudes – the so-called facts of conscience.

Key words: syntagmatic relations, layers of concept essence, sense nodes of the **concept, relations**.

Синтагматические и парадигматические отношения образуют систему в сопряжении с парадигматическими связями элементарных смыслов. Понимание парадигмы релятивности можно сравнить с пониманием собственно парадигмы, данной в платонической и неоплатонической философии для описания некоего высшего, трансцендентного образца, предопределяющего определённую структуру. Это ещё не мировоззрение, но некая предмировоззренческая туманность, способная выкристаллизовать из себя неопределённо большую систему мировоззрений [9, с. 505]. В нашей концепции в процессах горизонтального смыслообразования, когда, по мнению Д. Юма, «ум переходит... от одной идеи к другой» [10, с. 68], **синтагматической релятивности** отводится важная роль. Синтагматическая релятивность понимается как **система** объективных и мыслительных **отношений** в репрезентируемой ситуации, которые становятся базисом сочетаемости и совместимости соответствующих концептов в структуре представляющего денотативную ситуацию фрейма, а также составляющих элементов концепта, благодаря которым знание организуется в некие картины мира.

Синтагматическая релятивность рассматривается на примере концепта КРАСОТА, представляющего собой с точки зрения классической философии феномен, в котором фокусируются онтологические, гносеологические, а также этические смысловые узлы [7]. Концепт явля-

ется мыслительной структурой, внутренняя форма которого открыта к изменениям. «Виртуальная (потенциальная, желаемая) реальность становится актуальной лишь тогда, когда возникает наглядно-чувственный образ, проецирующий, в свою очередь, образ словесный» [2, с. 141]. Значение релятивности можно сравнить с особым значением, которое К.Н. Леонтьев в земном мире придавал красоте, сравнивая её с чёткой формой, не дающей материи “разбегаться”. Это, с одной стороны, «внутренняя идея», а с другой – её объективация через сеть отношений (между объектом → субъектом → эмоциональным состоянием → действием), овладение которыми представляет собой процесс познания. Заданный Платоном семантический вектор осмысления красоты явился направлением познания её как духовного, трансцендентного феномена, а феномен прекрасного представляет собой нормативность, правильность. Материалом исследования послужил роман Ф. Достоевского «Идиот».

Основными факторами, определяющими распространение слов по событийному тексту в процессе объективации смысловых узлов рассматриваемого концепта, являются различные отношения. Первое из них – это **отношение сходства**.

Отношение сходства признака ‘красивый’ проявляется, например, в ситуации, в которой он сближается с такими определениями, как ‘счастливый’, ‘симпатичный’, ‘милый’, ‘хороший’, ‘хорош собой’, ‘добрейший’; ср.: “У вас, Аделаида Ивановна, **счастливое лицо**, из всех трёх лиц **самое симпатичное**. Кроме того, что **вы очень хороши собой**, на вас смотришь и говоришь: “У ней **лицо, как у доброй сестры**”. Вы подходите просто и весело, но и сердце умеете скоро узнать. Вот так мне кажется про ваше лицо. У вас, Александра Ивановна, **лицо тоже прекрасное и очень милое**, но, может быть, у вас **есть какая-нибудь тайная грусть; душа у вас, без сомнения, добрейшая**, но вы невеселы. У вас какой-то особенный оттенок в лице, **похоже как у Гольбейновой Мадонны в Дрездене...**”
Отношение сходства в достаточно опреде-

лённых признаках обладает свойствами симметричности. Так, последнее предложение в приведённой ситуации содержит отношение симметричности: ‘особенный’ ↔ **красивый** ↔ ‘похоже как у Гольбейновой Мадонны в Дрездене’.

Отношение симметричности – это отношение типа равенства, подобия, одновременности и пр.; ср.: “... Я перевёл французский характер в русские буквы, что очень трудно, а вышло удачно. Вот и ещё **прекрасный и оригинальный шрифт**, вот эта фраза: “Усердие всё превозмогает”. Это шрифт русский, писарский или, если хотите, военно-писарский. Так пишется казённая бумага к важному лицу, тоже круглый шрифт, **славный, чёрный шрифт**, черно написано, но с **замечательным вкусом**. Каллиграф не допустил бы этих росчерков, или, лучше сказать, этих попыток расчеркнуться, вот этих недоконченных полухвостиков, – замечаете, – а в целом, посмотрите, оно составляет ведь характер, и, право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось, и талант просится, да воротник военный туго на крючок стянут, дисциплина и в почерке вышла, прелесть! Это недавно меня один образчик такой поразил, случайно нашёл, да ещё где? в Швейцарии!: Ну, вот это **простой, обыкновенный и чистейший английский шрифт**: дальше уж **изящество** не может идти, тут всё **прелесть, бисер, жемчуг**; это **закончено**; но вот и вариация, и опять французская, я её у одного французского путешественного коми заимствовал: тот же английский шрифт, но чёрная линия капельку почернее и потолще, чем в английском, а – **пропорция света** и нарушена; и заметьте тоже: овал изменён, капельку круглее, и вдобавок позволен росчерк, а росчерк – это наипаснейшая вещь! Росчерк требует **необыкновенного вкуса**; но если только он удался, если только найдена **пропорция**, то такой шрифт ни с чем не сравним, так даже, что можно влюбиться в него.”
В этом примере ядерный смысловой элемент концепта КРАСОТА ‘красивый’ становится именем данного двухместного отношения, что объективируется следующим образом:

– ‘прекрасный’ ↔ красивый ↔ ‘оригинальный’, ‘необыкновенного вкуса’ (‘сделанный с замечательным вкусом’);

– ‘хороший’, ‘славный’, ‘прелестный’ ↔ красивый ↔ ‘пропорциональный’, ‘изящный’ (‘пропорция света’, ‘изящество, бисер, жемчуг’), ‘законченный’, ‘чистейший’;

– ‘простой’ ↔ красивый ↔ ‘обыкновенный’.

Приведём ещё два примера: 1) «**Этакая сила!** – вскричала вдруг Аделаида, жадно всматриваясь в портрет из-за плеча сестры. – Где? Какая **сила?** – резко спросила Лизавета Прокофьевна. – **Такая красота – сила**, – горячо сказала Аделаида, – с **этакую красотой можно мир перевернуть!**»; «*Das ist eine gewaltige Macht!*» rief auf einmal Adelaida, die über die Schulter ihrer Schwester hinweg das Bild mit größtem Interesse ansah. «*Wieso? Inwiefern eine Macht?*» fragte Lisaweta Prokofjewna in scharfem Ton. «*Eine solche Schönheit ist eine Macht*», erwiderte Adelaida enthusiastisch. «*Mit einer solchen Schönheit kann man die Welt umdrehen!*»; 2) «**Варвара Ардалионовна была девица лет двадцати трёх, среднего роста, довольно худощавая, с лицом не то чтобы очень красивым, но заключавшим в себе тайну нравиться без красоты и до страсти привлекать к себе.**» В основе синтагматики слова лежат **рефлексивные отношения**. В нашем примере это подтверждается тем, что при восприятии красоты первостепенную роль играет рефлексия о предмете. С одной стороны, это сила, детерминирующая различное поведение личности, а с другой – рефлексия, выражающаяся в идее всеобщего согласия о прекрасном. Ср.: ‘сила, с которой можно мир перевернуть’ ↔ красота ↔ ‘тайна нравиться без красоты и до страсти привлекать к себе’. Рефлексивные отношения как интериоризованные связи „Я“ с другими субъектами основаны также на способности воспринимать «чужое». Рассмотрим пример: «**Беспорную красавицей в семействе, как уже сказано было, была младшая, Аглая. Но даже сам Тоцкий, человек чрезвычайного эгоизма, понял, что не тут ему надо искать и что Аглая не ему предназначена. Может быть, несколько**

слепая любовь и слишком горячая дружба сестёр и преувеличивали дело, но судьба Аглаи предназначалась между ними, самым искренним образом, быть не просто судьбой, а возможным идеалом земного рая. Будущий муж Аглаи должен был быть обладателем всех совершенств...» В данном случае при порождении смысловых узлов концепта КРАСОТА выражается отражение представлений субъекта о других людях в ситуации взаимодействия: ‘обладатель всех совершенств’ ↔ красота ↔ ‘возможный идеал земного рая’. Эти отношения – необходимый элемент познавательной активности субъекта (см. об отношении СВОЁ – ЧУЖОЕ в экзистенциализме Ж.-П. Сартра с его положением «быть увиденным другим»; у М. Хайдеггера, писавшего о со-бытийности как совместном мире, в котором «бытие-в» есть «со-бытие» с другими; у Г.Г. Гадамера с его моделью коммуникативных отношений «Я-Ты»; в респонзивной феноменологии Б. Вальденфельса, который пишет: «Старое изречение “Человек есть живое существо, обладающее речью или разумом” следует изменить так: “Человек есть живое существо, которое отвечает”» [3, с. 134]).

Синтагматическая дистрибуция слов осуществляется также на базе **транзитивного отношения**. В примере: «**Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!**» – отношение транзитивности может быть схематично представлено следующим образом:

– ‘ослепляющая красота’ ↔ красота ↔ ‘невыносимая красота’;

– ‘невыносимая красота’ ↔ красота ↔ ‘странная красота’;

– ‘ослепляющая красота’ ↔ красота ↔ ‘странная красота’.

Итак, синтагматическая релятивность – это своего рода сигнально-кодовая система, анализ которой позволяет сделать вывод, что речь структурируется благодаря поэтапному предъявлению общей перспективы содержания, благодаря речевым действиям, направленным на поступательное полное отражение содержания во всех его составляющих эле-

ментах, в их связях и отношениях в виде минимальных речевых компонентов – синтагм.

Рассмотрим другие примеры.

«... Это не всегда в нашем веке случается. Там, в стихах этих, не сказано, в чём, собственно, состоял идеал **“рыцаря бедного”**, но видно, что это был какой-то **светлый образ, “образ чистой красоты”**, и влюблённый рыцарь вместо шарфа даже чётки себе повязал на шею. Правда, есть ещё там какой-то тёмный, недоговоренный девиз, буквы А.Н. Б., которые он начертил на щите своём.

– А.Н. Д., – поправил Коля.

– А я говорю А.Н. Б., и так хочу говорить, – с досадой перебила Аглая, – как бы то ни было, а ясное дело, что этому **“бедному рыцарю”** уже всё равно стало: кто бы ни была и что бы ни сделала его дама. Довольно того, что он её выбрал и поверил её **“чистой красоте”**, а затем уже преклонился перед нею навеки; в том-то и заслуга, что если б она потом хоть воровкой была, то он всё-таки должен был ей верить и за её **чистую красоту** копыя ломать. Поэту хотелось, кажется, совокупить в один чрезвычайный образ всё огромное понятие средневековой рыцарской платонической любви какого-нибудь **чистого** и **высокого рыцаря**; разумеется, всё это идеал. В **“рыцаре же бедном”** это **чувство** дошло уже до последней степени, до аскетизма; надо признаться, что способность к такому **чувству** много обозначает и что такие **чувства** оставляют по себе черту глубокую и весьма, с одной стороны, похвальную, не говоря уже о Дон-Кихоте. **“Рыцарь бедный”** – тот же Дон-Кихот, но только серьёзный, а не комический. Я сначала не понимала и смеялась, а теперь люблю **“рыцаря бедного”**, а главное, уважаю его подвиги».

Анализ показывает, что функционирование языковых механизмов обеспечивает сходство, на базе которого, в частности, возникают **повторы**. **Отношение сходства** при повторении можно представить как выражение исключительного подобия или полной равноценности. Основанием сходства (см. пример) есть то, что красота – это гармоничное слияние внешнего образа и тех сложных

душевных состояний, которые включают конкретные ощущения и общие чувствования. Здесь возможно провести аналогию между чистым образом Пресвятой Богородицы, которая, живя на земле, была девою не только плотью, но и духом, её телесный вид был выражением души, олицетворением чистоты и чистой красоты (Акафист Покрову Пресвятой Богородицы). С когнитивной точки зрения можно сказать, что благодаря повторам демонстрируется также универсальность особенного, того, что нельзя заменить чем-то другим. Например, универсальность повторов ‘бедный рыцарь’ в выражении красоты души человека, сродни детской, наивно воспринимающей действительность. Но не только. Здесь очевидно сходство с красотой помыслов членов орденов, изначально военно-монашеских организаций, вступая в которые рыцари приносили три монашеских обета: целомудрия, бедности и послушания. По замыслу пап римских ордены должны были всецело посвятить себя делу защиты христианства. Особое значение орденские уставы придавали обету бедности.

Если две части повторяющегося целого включают в себя один и тот же компонент, то они также находятся в отношении сходства. Например, ‘красота чувства’ включает ‘красоту средневековой рыцарской платонической любви как идеала’ и ‘красоту чувства, всегда оставляющего по себе черту глубокую и весьма похвальную’, то есть отношение сходства неразрывно связано с **инклюзивным отношением**, которое также является основанием для функционирования синтагматической релятивности. Синтагматический переход от одного представления к другому часто приводит однако к сущностному различию между ними: ‘чистая красота’ как идеал, ‘чистая красота’, в которую поверили. Здесь также можно указать на возникновение при повторах **отношения противопоставления постоянства (даже закона) непостоянству, неустойчивости, изменчивости**: ‘рыцарь бедный’ как серьёзный рыцарь, чьи подвиги всегда были достойны уважения, и ‘рыцарь бедный’ как комический персонаж.

Благодаря повторению «извлекается» нечто новое. С. Кьеркегор уточняет: «... Не извлекать из повторения нечто новое, не выманивать у него нечто новое. Только созерцание, только созерцающий извне дух “выманивает”. Напротив, речь идёт о том, чтобы действовать, превратить повторение как таковое в новизну...» [6]. Так, повтор лексемы «чистый» («чистая красота», «чистый рыцарь») продуцирует такие составляющие концепта КРАСОТА, как ‘целомудренность’, ‘невинность’, ‘непричастность к греху’, ‘духовность’, ‘благородство’, ‘возвышенность’. Правда, это достигается также благодаря употреблению рядом с прилагательным «чистый» прилагательных «высокий» (= благородный, возвышенного образа мыслей).

Как известно, процесс порождения смысла носит детерминативный характер: то, что возникает в речи, обусловлено предыдущим содержанием. При повторах опыт субъекта проживается ещё раз, а часто и обобщается:

«В тот же день вы видите эту женщину; вы околдованы её красотой, фантастической, демонической красотой (я ведь согласен, что она красавица).

– Экая красавица! – кричали в толпе.

– Не она первая, не она и последняя!

– Венцом всё прикрывается, дураки!

– Нет, вы найдите-ка такую раскрасавицу, ура! – кричали ближайшие.

– Княгиня! За такую княгиню я бы душу продал! – закричал какой-то канцелярист. – “Ценою жизни ночь мою!..”.

Настасья Филипповна вышла действительно бледная как платок; но большие чёрные глаза её сверкали на толпу как раскалённые угли; этого-то взгляда толпа и не вынесла; негодование обратилось в восторженные крики.»

Здесь обнаруживается развёртывание причинно-следственного отношения: красота вызывает возбуждение толпы, которая, восхищаясь красавицей, обобщая, ассоциирует её с величием княгини. Причинно-следственной концептуальной зависимости, по словам В.Б. Гольдберг, соответствуют семантические связи прогрессивная и регрессивная

импликация [4, с. 66]. **Отношение импликации и выводимости** – это наиболее распространённый тип отношений при распределении слов в коммуникативном целом (в терминах Д. Юма – при «ассоциативном связывании мысли, пропозициональных когнитивных сущностей» [10, с. 68]. Объект познания имплицитно подразумевает другой объект познания, если второй с необходимостью вытекает из первого. Вот как выглядит распространение составляющих рассматриваемого концепта в тексте произведения Ф. Достоевского, касающихся той зоны, которая связывается с красотой женщины: ‘красавица’ → ‘необыкновенной красоты женщина’ → ‘идеал’ → ‘совершенство’ → ‘алмаз’. Возможно также моделирование такого ряда, например, благодаря отношению наложения общей положительной оценки и эстетической положительной оценки, то есть переход от именованного в качестве предиката предметной характеристики какого-либо явления к высказыванию эстетического чувства, к категории возвышенного при осознании эстетического чувства по поводу какого-либо объекта (‘красивый’, ‘изукрашенный’ → ‘имеющий обольщающий вид’, ‘являющийся предметом любования’, ‘понравившийся’) в следующем примере: *«Дача Лебедева была небольшая, но удобная и даже красивая. Часть её, назначавшаяся внаём, была особенно изукрашена. На террасе, довольно поместительной, при входе с улицы в комнаты было наставлено несколько померанцевых, лимонных и жасминовых деревьев в больших зелёных деревянных кадках, что и составляло, по расчёту Лебедева, самый обольщающий вид. Несколько из этих деревьев он приобрёл вместе с дачей и до того прельстился эффектом, который они производили на террасе, что решил, благодаря случаю, прикупить для комплекта таких же деревьев в кадках на аукционе. Когда все деревья были наконец свезены на дачу и расставлены, Лебедев несколько раз в тот день сбегал по ступенькам террасы на улицу и с улицы любовался на своё владение, каждый раз мысленно надбавляя сумму, которую предполагал запросить с будущего своего дачного жильца.*

Расслабленному, тоскующему и разбитому телом князю **дача очень понравилась.**» В данном контексте синтагматическое распределение слов по тексту осуществляется и с помощью перечисления, основанием которого также является отношение сходства. Если перечисляемые единицы расположены по степени нарастания (в других случаях – ослабления) какого-либо признака, перечисление приобретает форму градации. **Градуальные отношения**, как и инклюзивные, о которых уже говорилось выше, основаны на общности (сходстве) интегральных составляющих концепта, но осуществляются они в пределах парадигматики.

Логическим коррелятом концепта является смысл, а смысловой повтор с помощью варьирования лексических средств путём употребления однородных по содержанию или форме единиц (ср. также: «амплификация» (лат. *amplificatio* – расширение)) ведёт к «приращению смысла»:

«На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в чёрном шёлковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому тёмно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза тёмные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна... Ганя и генерал с изумлением посмотрели на князя...»

– Как, Настасья Филипповна! Разве вы уж знаете и Настасью Филипповну? – спросил генерал.

– Да; всего только сутки в России, а уж **такую раскрасавицу** знаю.»

Или, «**побывав в креативном горниле дискурсивного мышления**» [1, с. 125], снова возвращается к концепту с суженным значением: «Для чего мне ваша **природа**, ваш павловский парк, ваши **восходы и закаты** солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня съёл за лишнего? Что мне во всей этой **красоте**». Рождение смысла начинается с концепта, «в свёрнутом виде

содержащего качественно-оценочную сущность обозначаемого предмета» [1, с. 125]. Кристаллизация же смысла осуществляется при расширении значения.

Синтагматическая релятивность является фактором распределения слов в коммуникативных актах. При этом также наблюдается процесс моделирования понятийных характеристик концепта. Рассмотрим ещё одну денотативную ситуацию: «И, однако же, он всё-таки дошёл наконец до чрезвычайно парадоксального вывода: «Что же в том, что это болезнь? – решил он наконец. – Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени **гармонией, красотой**, даёт неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с **самым высшим синтезом жизни?**». Эти туманные выражения казались ему самому очень понятными, хотя ещё слишком слабыми. В том же, что это действительно **«красота и молитва»**, что это действительно **„высший синтез жизни“**, в этом он сомневаться не мог, да и сомнений не мог допустить.» Такой повтор, как «высший синтез жизни», смысл которого воспринимается как ‘феномен прекрасного’, имеющий, по Платону, статус нормативности, состоит из трёх частей – гармонии, красоты, молитвы. Каждая из них, представляя аспекты одной целостности, всё же имеет только некоторое сходство со свойствами других частей. Таковыми являются: ‘свойство объекта, определяющее его способность нравиться’; ‘что-либо, что доставляет эстетическое удовольствие’; ‘то, что принимает вид поклонения, восхваления’; ‘согласованность’; ‘сообразность’; ‘симметрия’; ‘единство’; ‘соразмерность’. При этом в структурировании концепта КРАСОТА они находятся между собой в **отношении смежности**. Здесь уместно вспомнить понятие красоты в философских воззрениях, где она рассматривается как абстрактно воспринимаемая правильность: от “гармонии как души мира” у Джозеффо Царлино, “божественной

пропорции” у Луки Пачоли, “правила природы” у Андрео Палладио до “войны против зрения” и ориентации на выражение подлинной сущности объектов – “не как мы их видим, а как мы их знаем” (экспрессионизм), и т. п. [8]. Отношения, возникающие между повторяющимися синтагмами, также являются средством порождения смысла, что, как нам представляется, в обобщённом виде образно сформулировано в определении повторов, приведённом в работе «Различие и повторение» Ж. Делёза: «Одно – это “обнажённое” повторение, другое – повторение облачённое, формирующееся одеваясь, прикрываясь маской, меняя одежды» [5].

В заключение исследования сформулируем выводы.

1. Синтагматические отношения отражают процесс формирования мысли, особенности осознания человеком внеязыковой действительности. Этот процесс выглядит следующим образом: между словами и словосочетаниями, которые составляют синтагмы, понимаемые как речевые единицы с конкретным ситуативным значением, формируются отношения, «энергетическая» эффективность которых определяет порождение когнитивных составляющих концептуального целого. Иными словами, синтагматическая релятивность может быть представлена как сигнально-кодовая система, которая не только сообщает об определённом смысле, но и предполагает линейные комбинации смыслов.

2. Повтор, перечисление, ряд однородных определений и пр. как синтагматические аспекты лексической структуры событийного текста, рассматриваемые в рамках синтагматической релятивности, реализуют две

задачи. Они не только отражают характер линейных отношений между слоями смыслового содержания концепта, но и являются средством формирования его смысловой глубины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 342 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 285 с.
3. Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Минск: Пропилеи, 1999. – 176 с.
4. Гольдберг В.Б. Сочетание системного и функционального подходов при построении типологии семантических связей // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород, 1998. – С. 64–67.
5. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
6. Кьеркегор С. Библиографический указатель. 1813–1855. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kirkegor.php (дата обращения: 10.03.2013).
7. Леонтьева А.Л. Так что же есть на свете красота? (Концепт красоты сквозь призму металексики) // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 545–562.
8. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bookz.ru/authors/gricanov-aa/gricanov03/1-gricanov03.html> (дата обращения: 10.03.2013).
9. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. – М.: Прогресс, 1995. – 240 с.
10. Хомич Е.В. Парадигма // Новейший философский словарь/ редкол.: А.А. Грицанов (науч. ред.), В.Л. Абушенко, М.А. Можейко и др. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 504–505.